РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Н. Д. ПОСТНИКОВА «ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ (1907 — ФЕВРАЛЬ 1917)»*

И. В. Нарский

Рецензируемую книгу нельзя отнести к кругу легкого чтения. Читательскую работу с ней усложняют и ее жанр, и авторский замысел, и история и качество его воплощения. Прежде всего, следует сказать о контексте рождения этой монографии, который относится, в целом, к завершенному прошлому и многим историкам, особенно молодым, просто не знаком. Ее автор, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Российского государственного университета туризма и сервиса, в 1990-е гг. проявил себя как поборник количественного изучения дореволюционных политических партий в России, пережившего свой расцвет в последнее десятилетие существования СССР и первое постсоветское десятилетие. В те годы интерес к истории «непролетарских» политических партий находился на крутом подъеме. Примененные в монографических исследованиях В. В. Шелохаева о конституционно-демократической партии и Союзе 17 октября в 1905—1907 гг. [9; 10] подходы к изучению численности и социального состава партийных организаций постепенно обрели в этом молодом сегменте отечественной историографии чеканную формулу «территориальное размещение и динамика численности», которая пользовалась невероятной популярностью, дав название обязательным (первым) главам и параграфам в многочисленных диссертационных исследованиях, увидевших свет в 1980-е, 1990-е и 2000-е гг. Наличие количественного компонента стало неотъемлемой частью анализа истории российских политических партий. По прошествии многих лет можно констатировать, что всеобщий интерес специалистов по истории многопартийности к ее количественному измерению был совершенно оправдан, позволив оценить масштабы, социальные и культурные особенности этого явления в общероссийской, региональной и локальной перспективах. При этом в нем явно отразился конъюнктурный фактор — желание противопоставить заидеологизированной истории КПСС научный подход, который во времена «триумфального шествия» количественной социальной истории во многом базировался на «магии чисел».

Н. Д. Постников наверняка попал под обаяние первого сборника, посвященного количественному анализу российских политических партий в годы первой российской революции и ставшего в конце 1980-х гг. важным рубежом в исследовании этой проблематики [5]. В 2001 г. он издал сборник, хронологически продолживший первый материалами межреволюционного периода [6]. Как пишет автор, «при работе над сборником и возникла идея написания данной монографии, ставящей задачей дать всесторонний анализ накопленной информации, сделать на ее основе общие выводы, наблюдения, позволяющие углубить представления об истории политических партий России в начале XX века» (с. 24). Но еще до опубликования сборника по количественной истории партий 1907—1917 гг., в 1998 г., им была защищена кандидатская диссертация [8], название которой совпадает с заглавием рецензируемой книги, представляющей собой расширенный вариант диссертации 15-летней давности. С тех пор круг исследовательских интересов Н. Д. Постникова претерпел существенные изменения[1], и издание книги является, по-видимому, запоздалой «жирной точкой» в давно завершенном процессе. Эта предыстория данной монографии предопределила как ее сильные, так и уязвимые стороны. Поэтому этот контекст следует иметь в виду, анализируя и оценивая ее содержание.

Автор ставит перед собой задачу «комплексного анализа проблемы территориального размещения, динамики численности и эволюции организационных структур основных общероссийских партий» (с. 4), под которыми подразумевает, как и было принято в 1990-е гг., пять основных общероссийских партий: социал-демократов, эсеров, кадетов, октябристов и черносотенцев. История национальных партий в монографии не учитывается, что вполне соответствует состоянию изучения данной проблематики тех лет.

Структура монографии подчинена решению поставленной задачи. Выигрышным сюжетом введения является попытка автора покончить с неясностью в определении членства в российских партиях и тем самым постараться создать инструментарий для ясного различения между активным партийным ядром и аморфной массой сочувствующих. Неудачным представляется историографический обзор. Во-первых, нельзя сводить неровности и недостатки изучения политических партий к запретительной политике в области историографии. Автор прекрасно знает, что историографический процесс — дело многотрудное, а создание репрезентативной базы количественных данных на основе исторических источников, требующее многолетней скрупулезной работы — тем более. Если же следовать логике Н. Д. Постникова, то фрагментарность данных о количестве организаций и численности их участников в книге В. В. Шелохаева о кадетах в 1905—1907 гг. придется объяснять с помощью абсурдного предположения, что ее автор в 1983 г. боялся сталинского запрета на исследование политических партий. Во-вторых, автор не проследил развитие исследований

* Постников, Н. Д. Территориальное размещение и численность политических партий России (1907 — февраль 1917) / Н. Д. Постников. — М. : ИИУ МГОУ, 2013. — 326 с.

1 [1] См., напр. [7]

российской многопартийности после середины 1990-х гг., что может быть объяснено лишь использованием в издании 2013 г. историографического обзора из защищенной в 1998 г. диссертации.

Первая глава книги посвящена характеристике источников. Источниковой основой его исследования стали материалы нескольких фондов Государственного архива Российской Федерации, а именно Департамента полиции и собственно политических партий. Несомненно, Н. Д. Постников является одним из лучших знатоков этих фондов, поскольку он систематически прорабатывал отложившиеся в них документы на предмет выявления в них сведений о размещении, количестве, численности и организационном состоянии основных всероссийских политических партий. Исследователь пришел к в целом обоснованному выводу, что «ни один источник, отражающий деятельность местных партийных организаций РСДРП и ПСР (партии социалистов-революционеров — *И. Н.*), не является столь полным по собранной информации и репрезентативным, как дела фонда Департамента полиции, так как ни в каком другом источнике так тщательно и даже скрупулезно не фиксировалась информация обо всех сторонах и аспектах местных организаций РСДРП и ПСР в масштабах империи» (с. 27). Вместе с тем, следует подчеркнуть, что положенные в основу определения численности левых партий списки членов местных партийных организаций, составленные на основе наружного полицейского наблюдения, далеко не надежны, особенно в провинции, где «культурный слой» был тонок и представители оппозиции самодержавию часто находились в тесном контакте. В полицейских списках РСДРП и ПСР зачастую фигурируют одни и те же фамилии, которые порой встречаются и в списках кадетов, которые во время первой российской революции, а отчасти и позже контактировали с левыми. К вопросу надежности полицейских количественных данных нам еще придется вернуться при оценке авторских подсчетов численности участников российских политических партий.

Однако в отношении Союза 17 октября, Союза русского народа и Союза Михаила Архангела, а отчасти и Конституционно-демократической партии, деятельность которых интересовала Департамент полиции значительно меньше, чем работа леворадикальных партий, полицейские сведения о размещении и численности их филиалов значительно более фрагментарны. Их Н. Д. Постникову пришлось добывать, по собственному признанию, «по крохам» (с. 39), в фондах политических партий. Причем даже тщательное просеивание партийных фондов не дало столь подробных сведений о географии распространении и количественных характеристиках политических партий, какие предоставляет документация Департамента полиции. Неоднородность и различная информативная насыщенность источниковой базы исследования Н. Д. Постникова заложили главную, как мне представляется, проблему в его исследование — разнородность критериев сбора и обработки собранной информации. Если в отношении социалистических партий исследователь мог придерживаться достаточно строгих критериев идентификации партийной организации (признание организации руководством партии, продолжительность функционирования, наличие членов и какой-то деятельности, обсуждение документов партии), то в отношении организаций октябристов и черносотенцев приходилось обходиться любым упоминанием о существовании местного отдела соответствующего союза.

Во второй главе речь идет о территориальном размещении и количестве социалистических, либеральных и правомонархических партийных организаций в России. Анализ количественных данных о партиях, собранных в 20 таблицах, подтвердил устоявшийся в историографии тезис о сокрушительном развале партийных организаций всех политических направлений без исключения. Н. Д. Постников констатирует также успешность репрессий против социалистических партий, которые в результате попали под тщательный контроль полицейских органов. Не являются новыми и на этот раз статистически обоснованные утверждения автора о более быстром распаде эсеровских организаций по сравнению с социал-демократическими, о преимущественно городском характере партийных формирований в межреволюционный период, об известном географическом «разделении труда» между эсдеками, доминировавшими в промышленных регионах, и эсерами, более укорененными в сельскохозяйственных областях. Более интересными представляются следующие наблюдения исследователя. Во-первых, о наибольшей активности социалистов на Украине и в Бессарабии, во-вторых, о том, что несмотря на разгром социалистических организаций, полностью обезвредить ядро профессиональных революционеров Департаменту полиции не удалось.

В отношении либеральных партий автор констатирует, наряду с распадом организационных структур, переходом их сторонников на работу в легальные общественные организации и размещением в городах, преимущественное присутствие кадетов в Центральном промышленном районе, на Украине и в Бессарабии, октябристов — в Центральном промышленном районе и в Поволжье.

В отношении правых партий Н. Д. Постников признает, что «численность организационных структур, зафиксированных нами…, по существу, не отражала реальное положение дел правомонархической периферии» (с. 145), поскольку речь должна вестись о «качественной» деградации черносотенных организаций при их относительном количественном расцвете. Статистика, собранная автором, убедительно свидетельствует, что регионом преимущественного распространения правых союзов были десять губерний Украины и Бессарабии, где действовало ¾ всех праворадикальных организаций. Автор объясняет это особой остротой в этом регионе национального, рабочего и аграрного вопросов.

В третьей главе вновь обсуждаются вопросы организационных структур и численности партий, но на этот раз в центре внимания автора — количество не организаций, а их членов. Представляется не очень логичным, что Н. Д. Постников приступил к детализированному анализу архитектоники

партийных институций лишь в последней главе, поскольку это привело к повтору основных тезисов, сформулированных в предыдущей главе на количественных материалах. На сей раз распад партий в межреволюционный период при сохранении актива леворадикальных партий, успех Департамента полиции в обуздании и контролировании революционной и оппозиционной деятельности, сосредоточение партий в европейской части Российской империи, особенно в Центральном промышленном районе и в украинских и бессарабских губерниях обосновываются с помощью богатого иллюстративно-фактографического материала, а главное — с привлечением данных о численности членов партийных формирований, сконцентрированных в 11 таблицах.

Автор предлагает пересмотреть принятую ранее методологию подсчета количества членов партии, которую он в заключении аттестовал как «механистическую» (с. 270). Автор считает нецелесообразным для межреволюционного периода включать в число членов партий пассивных попутчиков, которые, по его мнению, по разным причинам покинули партийные ряды в 1907—1916 гг. Судя по контексту, Н. Д. Постников подверг критическому пересмотру метод распространения средних данных об известной численности партийных организаций на те партийные отделы, численность которых в источниках не отложилась. Этот метод экстаполяции, впервые предложенный в отношении кадетской партии в революции 1905—1907 гг. В. В. Шелохаевым три десятилетия назад, был затем активно использован в отношении других партий и за другие периоды, в том числе автором этих строк [1—4]. Н. Д. Постников предлагает другую методу подсчета, а именно учет только тех данных, которые отложились в Департаменте полиции. Плюс такого подхода очевиден: благодаря усердному контролю политического сыска за партиями мы располагаем сведениями о количестве членов за каждый год, причем за различные месяцы. Однако есть в этом подходе и минусы, делающие его в известной степени еще более «механистическим», чем метод экстраполяции. Во-первых, как уже было указано, мы располагаем подробными полицейскими данными о количестве данных только по социалистическим партиям, в меньшей степени — по кадетам, но они отсутствуют по октябристам и черносотенцам. Во-вторых, сам автор признает, что «установить точное число членов местных организаций РСДРП и ПСР не представляется возможным» (с. 187) из-за отсутствия информации о слабо организованных и краткосрочно действовавших местных организациях. К такому же выводу Н. Д. Постников приходит, в-третьих, и в отношении других партий, признав в заключении, что «отсутствие правительственных репрессий не позволило… четко и однозначно зафиксировать таких же членов (имеются в виду активисты-идеологи, якобы составлявшее ядро левых партий в межреволюционный период — *И. Н.*) у октябристов и правомонархистов» (с. 269). В отношении этих партий исследователю приходилось пользоваться данными другого происхождения — прежде всего сведениями, приходившими в центральные органы партий в письмах и отчетах с мест и зачастую завышенными и уж во всяком случае не отделявшими активистов от сочувствующих. В-четвертых, трудно разделить его убежденность, что использование данных Департамента полиции «позволило нам установить фактически “чистую” численность партийных идеологов, агитаторов и членов партийного актива, без “примеси” членов-попутчиков/сочувствующих» (с. 269). Н. Д. Плотникову, скрупулезно работавшему в фонде Департамента полиции, прекрасно известно: политический сыск в межреволюционный период так плотно взял в оборот революционные организации, что в них порой более половины членов были секретными сотрудниками охранки[1]. Так что вопрос о надежности полицейских цифровых данных остается открытым.

В заключении подводятся итоги исследования. Самым ценным из них является, на мой взгляд, определение активности политических партий в различных регионах страны. Вычислив удельный вес партийных организаций, действовавших в отдельных регионах, Н. Д. Постников убедительно показал, что наиболее «активным» регионом были Украина и Бессарабия, за которыми до 1917 г. с большим, но постепенно сокращавшимся отставанием следовали Центральный промышленный район и Поволжье. Вместе с тем, закрыв прочитанную книгу, читатель остается в недоумении по поводу авторского ответа на вопрос о том, что же произошло с партиями в поздней Российской империи накануне ее гибели: многопартийность к 1917 г. сформировалась или разрушилась? Н. Д. Постников неоднократно утверждает, что процесс формирования политических партий в межреволюционный период продолжался, а ядро активистов революционных партий сохранилось, несмотря на многочисленные репрессии. Мне это утверждение автора представляется слишком смелым и опирающимся по большей части на «ретроспективную мудрость» — на знание о том, что случилось позже, в 1917 г. Ведь сам он убедительно пишет о развале в межреволюционный период всех политических партий и о полном контроле политической полиции за каждым шагом активистов. Так что на этот счет читателю придется делать выводы самостоятельно.

Когда в начале рецензии я заявил о трудностях работы читателя с книгой, я имел в виду, помимо прочего, и авторскую стилистику. Обилие таблиц (33 в тексте, 4 в примечаниях) казалось бы, должно было освободить авторский текст от перегрузки цифрами. К сожалению, этого не произошло. Обилие цифр делает монографию неудобочитаемой, равно как и тяжеловесный стиль и не всегда уместная терминология. Особенно это касается заключения, которое местами выглядит как поспешно составленный конспект для личного пользования составителя. Исторический труд по российской истории вряд ли должен заканчиваться выражением «таргетированный тренд».

Лично для меня главный (но не новый) урок книги Н. Д. Постникова состоит в том, что количественные методы сами по себе не являются

[1] См., напр. [4, ч. 2, с. 187—202].

гарантией успешного исторического исследования. Трудно разделить убеждение автора, что ему «удалось по-новому взглянуть на "партийные организации" как на формирования не всегда и не вполне партийные по своему содержанию» (с. 269). К этому выводу можно было прийти — и он был известен в середине 1990-х гг. — без фронтального «прочесывания» полицейских и партийных фондов и с помощью применения метода экстраполяции, положительно зарекомендовавшего себя в прежних исследованиях.

Вместе с тем, работа Н. Д. Постникова корректирует представления о размещении и численности политических партий в дореволюционной России, предоставляя систематические данные по всей империи в межреволюционный период. Жаль, что этот труд не увидел свет в книжном виде пятнадцатью годами раньше. Это было бы замечательное подспорье для каждого исследователя российской многопартийности. Публикуя в 2013 г. текст, созданный на основе своей кандидатской диссертации во второй половине 1990-х гг., автор мог и не перерабатывать его кардинально. Но в таком случае нужно было предпослать монографии предисловие, в котором следовало бы рассказать историю текста и сделать обзор актуального состояния изучения рассматриваемой проблематики. Иначе молодой исследователь, взяв в руки книгу Н. Д. Постникова, будет думать, что имеет дело с последним словом науки по истории российской многопартийности. И, к сожалению, будет ошибаться.

Литература

1. Нарский, И. В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917—1922 гг. / И. В. Нарский. — М., 2001.

2. Нарский, И. В. Кадеты на Урале (1905—1907) / И. В. Нарский. — Свердловск, 1991.

3. Нарский, И. В. «Революционеры справа: черносотенцы на Урале в 1905—1916 гг. : материалы к исследованию «русскости» / И. В. Нарский. — Екатеринбург, 1994.

4. Нарский, И. В. Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г.: (К вопросу о демократической традиции в России) : в 2 ч. / И. В. Нарский. — Челябинск, 1995.

5. Политические партии России в период революции 1905—1907 гг. Количественный анализ : сб. ст. — М., 1987.

6. Политические партии России: 1907—1917. Количественный анализ / сост. Н. Д. Постников. — М., 2001.

7. Постников, Н. Д. 1-я армия Ренненкампфа. Битва за Восточную Пруссию / Н. Д. Постников. — 2-е изд. — М., 2013.

8. Постников, Н. Д. Территориальное размещение и численность политических партий России в 1907—1917 гг.: по материалам Департамента полиции : дис. ... канд. ист. наук / Н. Д. Постников. — М., 1998.

9. Шелохаев, В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. / В. В. Шелохаев. — М., 1983.

10. Шелохаев, В. В. Партия октябристов в период первой российской революции / В. В. Шелохаев. — М., 1987.

Поступила в редакцию 1 декабря 2014 г.

НАРСКИЙ Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, директор научно-образовательного центра «Культурно-исторические исследования», Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Россия) E-mail 2679101@mail.ru.

Bulletin of the South Ural State University
Series «Social Sciences and the Humanities»
2015, vol. 15, no. 2, pp. 115–118

POSTNIKOV N. D. GEOGRAPHICAL LOCATION AND THE MEMBERSHIP OF POLITICAL PARTIES IN RUSSIA (1907 — FEBRUARY 1917)

***I. V. Narskiy**, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, 2679101@mail.ru*

Received Desember 1, 2014